

Л.С.Окунева

Президентские выборы 2018 г. в Бразилии: буря и натиск

В статье рассмотрены основные этапы и особенности президентских выборов в Бразилии 2018 г., дан анализ их значения для латиноамериканской и мировой электоральной практики. Сформулированы выводы, вытекающие из характера бразильской избирательной кампании.

Ключевые слова: Бразилия, президентские выборы 2018, Жаир Болсонару, Фернанду Аддад.

DOI: 10.31857/S0044748X0002313-3

«Буря и натиск» — так назывался особый период в истории немецкой литературы второй половины XVIII в., для которого был характерен *отказ от культа разума в пользу предельной эмоциональности и описания крайних проявлений индивидуализма*. Не о Бразилии ли это?...

НЕОБХОДИМОЕ МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту статью хотелось бы начать, как обычно, академично и строго: в Бразилии прошли президентские выборы — даты, факты, цифры, проценты голосов. Но не получается. В происшедшем в Бразилии настолько сильна моральная составляющая, что невозможно ограничиться бесстрастной констатацией этих формальных данных. Академическое сообщество бразиловедов всего мира бурлит: что случилось с этой страной? Пресловутый «идеальный (а на деле ужасающий) шторм»? Политическое цунами, захлестнувшее Бразилию и перевернувшее ее с ног на голову? Или все это было предопределено, и свершившееся в порядке вещей? Как мог так быстро и так жестко произойти тот поистине колоссальный скачок от реформ, действительно преобразовавших страну и выведших ее в ранг восходящих мировых держав, сначала к правоконсервативному центристскому тренду, а затем, с еще более чудовищной скоростью, — к правому радикализму чистой воды, агрессивно провозглашавшему разворот страны в противоположном направлении? И где тот самый народ, от имени и во имя которого

Людмила Семеновна Окунева — доктор исторических наук, профессор, н.о. зав.кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (liudmila31@yandex.ru).

в начале 2000-х годов шли грандиозные по своему размаху и последствиям преобразования и который реально стал их бенефициаром? Почему он не вышел на улицы — пусть не в защиту своих прежних вождей, но хотя бы в защиту самого себя, своих же завоеваний? Как могло случиться, что от грандиозного праздника, ликования и карнавала по поводу победы Луиса Инасиу Лулы да Силвы на выборах 2002 г. и его инаугурации 1 января 2003 г. дело дошло до народных гуляний, салютов и фейерверков по случаю победы того, кто обещал «сгноить Лулу в тюрьме», а левых, названных им «красными бандитами», «стереть с карты Бразилии»?

В наблюдении и размышлениях о только что свершившемся повороте, в поисках ответов на поставленные реалиями бразильской политики вопросы на первых порах невозможно обойтись без эмоций. Эти «проклятые вопросы», как и извечные русские «кто виноват?» и «что делать?», столь применимые к сегодняшней Бразилии, сейчас — самые задаваемые и одновременно самые печальные по причине невероятного и мощного по своим последствиям завершения социального проекта, по историческим меркам еще недавно предвещавшего поступательное и прогрессивное, рассчитанное на долгосрочную перспективу восхождение страны.

Чтобы разобраться во всем этом, перейдем от эмоций к тому самому строгому академическому анализу. Данная статья — это размышления по итогам потрясших Бразилию бурных событий и первое приближение к исследованию тех далеко не исключительно бразильских вопросов, которые поставили нынешние выборы. Масштаб происшедшего, выявленные им глубинные тренды общественных процессов побуждают к более детальному и всестороннему анализу, который я надеюсь предпринять в будущем.

ОТ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АПАТИИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЦУНАМИ

После импичмента в 2016 г. президента Дилмы Руссефф¹, представителя левой Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT), который многие окрестили «парламентским», или «конституционным», переворотом, новые правители правоконсервативного толка во главе с президентом Мишелом Темером, обвинив во всех экономических неурядицах кабинет Руссефф, а ее саму в том, что она — «наихудший президент в истории страны», немедленно отбросили прежнюю парадигму развития, основанную на государственном дирижизме и широкой программе социальных реформ, и ввели в действие ее антипод — широкую приватизацию, урезание до минимума социальных программ, жесткие полицейские меры подавления народных выступлений. Им казалось, что на этом пути Бразилия достигнет экономических успехов и процветания. Однако последовавшие процессы, прежде всего в экономике, продемонстрировали, что небольшие краткосрочные показатели, которые могли бы внушать оптимизм, носили конъюнктурный характер, связанный с некоторым подъемом мировой экономики, и системный кризис преодолеть не удалось. Приватизация не оправдывала надежд, ощущалась острая нехватка инвестиций, в социальной области произошел полный коллапс. На социальном реформировании времен экс-президента Лулы был поставлен крест (что и зафиксировали две главные реформы Темера: конституционная поправка о двадцатилетнем

моратории на повышение госрасходов и реформа трудового законодательства); люди, вырванные из оков бедности, стали возвращаться к прежнему состоянию; безработица (12-13 млн человек) осталась на прежнем уровне; общество захлестнули настроения неопределенности и безысходности.

Импичмент парадоксальным образом не подвел черту под острейшим политическим кризисом, а наоборот, спровоцировал его новую фазу, начавшуюся в 2017 г. с открытия целого «букета» судебных дел против новоиспеченного президента Темера. Бразильские СМИ и политический класс заговорили о новом «бразильском чуде» — втором импичменте в течение одного года. Но Темер путем закулисных политических маневров сумел удержаться на своем посту, да и политическая элита, видя отсутствие на горизонте сколь-нибудь значимой фигуры общенационального масштаба, стремилась сохранить все, как есть, «дотянуть» до выборов 2018 г.

Подготовка к выборам и стала главным стержнем политической жизни, особенно с 2017 г. Разочарование во всех без исключения политиках наступило в связи с раскрытием органами правосудия широчайшей коррупционной сети. Под колеса судебной машины попали замешанные в невиданных по своему масштабу коррупционных схемах представители политического истеблишмента и партий всех направлений — и правых, и левых, и, прежде всего, правившей в течение тринадцати с половиной лет РТ. Провал политики кабинета Темера по «спасению Бразилии», углубляющийся кризис, небывалый рост насилия и преступности в городах, отсутствие и на правом, и на левом флангах авторитетных и «проходных» в электоральном смысле политиков — все это привело к тому, что на крайне правом фланге возникла фигура Жаира Болсонару — типичного представителя современного правого популизма. Отставной военный, депутат нижней палаты парламента с 1990 г., он «прославился» тем, что в дни импичмента свое голосование против Руссефф «посвятил» полковнику Карлусу Устре, руководившему пытками в застенках военного режима 1964—1985 гг., а в отношении самих пыток заявил: «Надо было не пытаться, а сразу убивать». Затем он неоднократно подтверждал свою приверженность военному правлению как наиболее эффективному, на его взгляд, способу решения животрепещущих проблем. Именно с этой целью Болсонару избрал в качестве своего будущего вице-президента отставного генерала Амильтона Моурау — фанатичного приверженца «жесткой линии», ненавидящего левых. И хотя общество в целом отвергало возможность реанимации военного режима, были и другие примеры: во время введенного в феврале 2018 г. режима чрезвычайной ситуации в штате Рио-де-Жанейро, где преступность в прямом смысле слова «вышла на улицы», обострились дискуссии о гипотетической возможности военного правления, и, хотя высшее армейское руководство категорически отвергало саму возможность нарушения конституции и «выхода из казарм», 75% населения штата одобрило чрезвычайные меры, считая их вполне применимыми к решению кризисных ситуаций. Это, а также значительное поправление общества в целом подпитывало идеологию Болсонару и придавало ему уверенности. Постепенно он превратился в «правофлангового» фаворита президентской гонки («слева» ему противостоял Лула). Неприкрыто авторитарный стиль (еще больше укреплявший его на фоне поколебленной веры бразильцев в демократическое правление, не сумевшее оградить от коррупции, усиливающейся бедности

и экономического кризиса), ультраконсерватизм в сочетании со сверхлиберальной экономической программой привлекали к нему избирателей, уставших от бесплодных обещаний политиков разных мастей и жаждавших быстрых и эффективных решений. И вместе с тем его расистские, сексистские и гомофобские высказывания, шокировавшие общественность и до того времени неприемлемые в Бразилии, внушали опасения, что в случае его прихода к власти с демократией в стране будет покончено. Демократические и лево-ориентированные круги, бразильские СМИ даже правого направления, мировая пресса в один голос квалифицировали «явление Болсонару» как «угрозу для Бразилии и всей Латинской Америки».

На протяжении 2017 г. и вплоть до конца августа 2018 г. главным вопросом будущей предвыборной кампании был вопрос о Луле — сможет ли он участвовать в выборах. Лула был приговорен судьей Сержиу Моро по обвинению в пассивной коррупции и отмыывании денег к девяти с половиной годам, а судом второй инстанции — к двенадцати годам и одному месяцу заключения. 7 апреля 2018 г. он был отправлен в тюрьму. Однако Лула продолжал оставаться самым популярным политиком Бразилии, его рейтинг колебался в диапазоне 30-35%, в разы превышая популярность потенциальных соперников, измерявшуюся цифрами на грани арифметической погрешности. Недаром соцопросы составлялись отныне в двух вариантах: «сценарий с Лулой» и «сценарий без Лулы». Если второй вариант еще давал какие-то надежды претендентам, то первый лишал практически всех даже малейших шансов: будучи допущенным к участию в выборах, Лула в противостоянии с Болсонару уверенно побеждал в первом туре и выходил во второй, где его шансы вернуться на президентский пост также были очень высоки.

Нараставшая политическая радикализация, отбрасывание «вниз» когорты кандидатов-центристов привели к тому, что постепенно Болсонару стал безоговорочным лидером, при, однако, постоянном оппонировании ему Лулы. Фигура экс-президента, даже осужденного и заключенного в тюремную камеру, прочно, хотя и достаточно одиноко, возвышалась на «левом» краю политического поля. Вместе с тем в целом электорат был распылен, цифры абсентеистских настроений зашкаливали, непредсказуемость превратилась в главную черту предвыборной кампании.

В июне 2018 г. возникла идея создания объединения центристских партий. На него возлагали немалые надежды, но из-за фрагментации и внутренней борьбы оно так и не было реализовано. Одновременно возникло объединение Большой центр (Centrão), внешне схожее с центристами, но не имевшее с ними ничего общего по сути: альянс незначительных партий, созданный коррумпированными и беспринципными политиками, которые «продавали себя» более крупным партиям в обмен на поддержку для продвижения их кандидатов как в финансовом плане, так и в плане предоставления эфирного времени для телерекламы, считающейся в Бразилии необходимым «капиталом» в политическом маркетинге. Centrão избрал в качестве своего кандидата губернатора штата Сан-Паулу, лидера Партии бразильской социал-демократии (Partido da Social Democracia Brasileira, PSDB) Жералду Алкмина, но тот вскоре разочаровал политический класс своим низким рейтингом, не позволившим ему пройти во второй тур.

Официально зарегистрированные 13 кандидатов дали старт президентской гонке. Большая интрига закручивалась вокруг кандидатуры Лулы. Не-

смотря на его тюремное заключение и, соответственно, отсутствие права участвовать в кампании, РТ сделала все, чтобы он был зарегистрирован Верховным избирательным трибуналом (Tribunal Superior Eleitoral, TSE) и стал официальным кандидатом, что вызвало политическую бурю. Рейтинг Лулы рос рекордными темпами, достигнув 47%, а в северо-восточных штатах — традиционном оплоте РТ — и 60%. Однако его кандидатура все же оставалась в подвешенном состоянии, и вскоре TSE, опираясь на судебный вердикт и статус Лулы как заключенного, после десятичасовых дебатов, за которыми следила вся страна, пересмотрел свое решение и аннулировал его регистрацию. 1 сентября предвыборная кампания вступила в новую фазу. Стал реализовываться «сценарий без Лулы».

И тут произошел еще один крутой поворот: 6 сентября на Болсонару было совершено покушение на предвыборном митинге, он получил тяжелое ножевое ранение и был госпитализирован. На три недели кандидат выпал из гонки. Вместе с тем его рейтинги постоянно росли. Создалась парадоксальная и вместе с тем «чисто бразильская» ситуация: из двух лидеров (пусть и диаметрально противоположных по своим политическим позициям) один был в тюрьме, а другой — в больнице; все же остальные, в соответствии со своими рейтингами, — в самом низу предвыборной «турнирной таблицы». РТ ввела в действие «план Б», согласно которому 11 сентября кандидатом на пост президента стал Фернанду Аддад, министр образования в кабинетах Лулы и Дилмы (2005—2012) и бывший мэр Сан-Паулу (2013—2016).

Теперь главная борьба должна была развернуться между представителями крайних направлений. Рейтинги центристских политиков (как право-, так и левоцентристов) были настолько низки, что не позволяли им даже приблизиться к прохождению планки первого тура; аутсайдеры набирали от 0 до 2%. На политическом поле остались двое: лидировавший Болсонару (28%) и догонявший его, но все же отстававший Аддад. Кампания Аддада основывалась на том, что он — «полномочный представитель» Лулы (был специально придуман лозунг «Аддад — это Лула!»). На это же была направлена кампания РТ по организации «трансфера голосов» от Лулы к Аддаду. И успехи были впечатляющими: с 2-3% на старте Аддад поднялся до 22%. Соцопросы (43% у Болсонару против 37% у Аддада) впервые зафиксировали его возможность победить во втором туре.

Но пока главным во всех этих раскладах было то, что в четырех из пяти регионов страны лидировал правый кандидат, в том числе в наиболее населенных штатах, и лишь Северо-Восток оставался за Аддадом. Разделение на правых-болсонаристов и левых-петистов, ставшее фактом политической жизни еще с лета, теперь ярко проявилось в политической географии страны.

Жаир Болсонару все более набирал очки, что сильно обеспокоило круги интеллектуалов, выпустивших манифест «За демократию, за Бразилию!». Группа «Mulheres Unidas Contra Bolsonaro» («Союз женщин против Болсонару») в Facebook запустила ставшие в дальнейшем небывало популярными хэштеги «#EleNão» («Ему — нет») и «#EleNunca» («Он — никогда») и очень скоро набрала уже 3,2 млн сторонниц, а 29 сентября провела акции в 24 из 27 штатов, крупнейших городах: Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Бразилиа, Белу-Оризонти, Ресифи, Салвадор и Порту-Алегри. Женский электорат в Бразилии — серьезная сила (52% от общего числа избирателей). В конце сентября антирейтинг Болсонару среди женщин составил 54%.

Накал напряжения в обществе достиг такого уровня, что президент Темер, находясь на 73 сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, был вынужден специально заявить, что «нет ни угрозы бразильской демократии, ни абсолютно никакого риска возврата к авторитаризму».

Болсонару же, выписанный из госпиталя, будучи абсолютно уверен в своем триумфе уже в первом туре 7 октября заявил, что в день намеченного на 28 октября второго тура «пойдет на пляж». Он заявил, что признаёт только те результаты выборов, где будет победителем. Даже консервативной прессе пришлось снабдить эти слова пояснением, что согласие с результатами голосования (особенно электронного, защищенного от внешнего проникновения) — основополагающий принцип любой демократической системы, к которому и кандидаты, и избиратели должны относиться с уважением.

В последнюю неделю на сторону Болсонару стремительно переходили финансовые круги, биржи, экономические элиты. За него были и евангелисты² — мощная сила, обладающая к тому же немалыми финансовыми возможностями. Ведущие СМИ, не выказывая ему напрямую свою симпатию и иногда даже критикуя, были однозначно против Аддада.

ПЕРВЫЙ ТУР: НАСТОЯЩАЯ ДРАМА ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

По итогам первого тура Болсонару (46%) и Аддад (29%) вышли во второй. Из остальных одиннадцати кандидатов, помимо явных аутсайдеров, быстро отпали центристы; попытки их объединения вокруг единого кандидата с треском провалились. Болсонару лидировал в 16 штатах и Федеральном округе (при этом в 12 штатах и Федеральном округе он набрал более 50% голосов) и в 23 столицах штатов (у Аддада — лидерство в 9 штатах, более 50% голосов в 4 штатах и 3 столицах). По регионам голосование распределилось также в пользу правого кандидата: он победил во всех штатах Центр-Запада, Юго-Востока и Юга (сюда, помимо прочих, входят ведущие в экономическом и политическом отношении штаты Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс) и их столицах, а Аддад — на Северо-Востоке (в 8 штатах из 9 и в 3 столицах из 9).

В «копилку» Болсонару можно отнести и то, что его сын Эдуарду, принимавший активное участие в избирательной кампании отца и сам баллотировавшийся в нижнюю палату парламента от штата Сан-Паулу, получил с большим отрывом от других кандидатов 1,8 млн голосов; второй результат принесла Жанаина Паскоал, один из авторов запроса на импичмент Дилмы в нижней палате, ранее планировавшаяся Болсонару на место вице-президента, с рекордными почти 2 млн голосов. Другой сын Болсонару — Флавиу — на выборах в сенат получил 4 млн голосов.

Из 147 млн зарегистрированных избирателей более 20% не явились на выборы, около 9% явившихся воздержались; абсентеизм составил около 30%.

Свидетельством неуспеха РТ (несмотря на прохождение Аддада во второй тур) стал не только трудно восполнимый разрыв в показателях, но и поражение видных петистов на губернаторских и парламентских выборах (например, провал Руссефф на выборах в сенат от штата Минас-Жерайс).

Жаир Болсонару, избранный президент Бразилии (слева) и Фернанду Аддад, кандидат от РТ

ВТОРОЙ ТУР: ПРЕЗИДЕНТ ИЗБРАН

Сразу же после завершения первого тура голосования началась активнейшая работа штабов и самих кандидатов. Они оказались лицом к лицу. Оба выставили свою тяжелую артиллерию... А за всем этим наблюдали расколовшаяся на два лагеря Бразилия и весь мир.

Болсонару, с его огромным отрывом от соперника, надо было развивать успех, сохранить уже приобретенные голоса и нарастить их число за счет голосов миноритарных кандидатов и воздержавшихся. Он активизировал свою кампанию там, где изначально победил Аддад, — на Северо-Востоке. Решив смягчить дискурс, он призвал страну к «умиротворению». Для этого все средства были хороши. Призывы к приватизации сменились отказом от нее (на это даже поддерживавшие его биржи отреагировали падением), оскорбления ЛГБТ — совместным фотографированием с геями и... благодарностью им за будущую поддержку (и все это сочеталось с... апелляцией к католикам и евангелистам). Болсонару допустил появление женщин и афробразильцев на посту министров его кабинета, демонстративно отрицал расизм, заявив, что «смешение рас» делает бразильцев «самым прекрасным народом в мире». Когда на прежние расистские высказывания Болсонару восторженно отозвался бывший глава американского Ку-Клус-Клана Дэвид Дьюк, Болсонару поспешил откреститься от такой поддержки. Ход кампании, однако, показал, что это были конъюнктурные шаги, не говорившие о его отказе от своих убеждений. А оправдание военного режима и преступлений тех, кто пытал и убивал, и вовсе было неоднократно подтверждено. Приближенный к Болсонару отставной генерал Алессиу Рибейру Соуту даже предложил пересмотреть школьные учебники на предмет переоценки военной диктатуры 1964—1985 гг.

Не сомневаясь в своей победе, Болсонару занялся поиском ключевых фигур будущего кабинета; одна из трех команд его штаба состояла из близких к нему бывших военных высокого ранга. Министры из уходящего кабинета Темера,

провозглашая дифирамбы в адрес будущего правителя, длинной очередью потянулись к нему в надежде на трудоустройство в новом кабинете.

Совсем другая, значительно более сложная и гигантская по своим возможным последствиям задача стояла перед Аддадом. РТ выступала в коалиции с карликовыми Коммунистической партией Бразилии (Partido Comunista do Brasil, PCdoB), от которой шла его вице-президент Мануэла д'Авила, Партией социализм и свобода (Partido Socialismo e Liberdade, PSOL), Бразильской социалистической партией (Partido Socialista Brasileiro, PSB) и Республиканской партией социального порядка (Partido Republicano da Ordem Social, PROS). Однако теперь речь шла о куда более широком альянсе, способном объединить всех демократов, призвать проигравших кандидатов правого и левого центра на свою сторону. Аддаду нужно было выработать новые лозунги, а главное — убедить избирателей, что он сможет не просто проводить необходимые стране реформы, но и делать это лучше своего соперника. За Аддада выступили социальные движения, бывшие министры и бывшие члены Верховного суда, университетское сообщество, интеллектуалы, известные политики и деятели культуры. Избиратели в соцсетях призывали голосовать за него даже противников РТ, лишь бы преградить путь Болсонару.

Сенсацией второго тура стала кардинально новая тактика РТ. Во имя создания единого политического фронта для защиты демократии красно-белые цвета партии были заменены зелено-желтыми цветами бразильского флага, а образ основателя и лидера партии Лулы удален из наглядной агитации. Этот последний пункт был обставлен оговорками, что Лула, конечно, являет собой историческое наследие РТ и остается ее центральной осью, но сейчас Аддад должен показать себя как самостоятельная личность. Надо только представить себе, что означал этот радикальный разворот для РТ! Лула и РТ всегда были «близнецами-братьями», один не существовал без другой, как и без красного флага с белой звездой. Отказаться от этого значило отказаться от самой идентичности РТ. А ведь национальные желто-зеленые цвета использовались сторонниками импичмента Руссефф, и теперь стали фирменной маркой Болсонару, позиционировавшего себя националистом, стремившимся объединить нацию против главных врагов: коррупции, криминала, левых. Как психологически и политически сложно было отказаться от символов, которые знала вся Бразилия! И все-таки этот шаг был сделан. Обстановка была не просто необычной или новой — еще совсем недавно она была бы невообразимой. Но РТ не могла себе позволить пойти на неминуемое поражение только из-за верности старым символам. Партия осознала опасность, наступила на горло собственной песне, и Лула исчез с ее плакатов.

Но ни смена курса, ни публично принесенные Аддадом извинения за ошибки и прегрешения РТ, ни даже невероятное для партии с тридцативосьмилетним стажем политической борьбы обещание не идти на выборы 2022 г., ни отчаянное письмо Лулы из тюрьмы за день до голосования с напоминанием о заслугах РТ перед народом не помогли. Время, необходимое для создания единого фронта, работало против партии. Было поздно — отвержение, неприязнь, ненависть к РТ, активно подогревавшиеся Болсонару и его сторонниками, сила массовых настроений, притягательность и даже гипнотизм радикально резких, отбрасывавших «надоевшую» политкорректность и оттого еще более манящих лозунгов правого претендента оказались сильнее. Общество бесповоротно ушло в иное, противоположном направлении.

На заключительном этапе кампании, шедшей по преимуществу в соцсетях, разгорелся скандал с массовой рассылкой незаконной политической рекламы в пользу Болсонару, на основании чего судебные органы открыли расследование, впрочем, не получившее развития.

Результаты второго тура 28 октября оказались достаточно предсказуемы — 55% у Болсонару против 44,8% у Аддада. Расстановка сил и электро-ральная география повторили ситуацию первого тура: Болсонару победил в наиболее развитых штатах и наиболее крупных городах, обретя наибольшую поддержку среди белых, богатых, образованных, в отличие от Аддада, которому отдали голоса бедняки с низким уровнем образования.

Резко поправили парламент и губернаторский корпус (речь шла о всеобщих выборах, на которых избирают не только президента, но и губернаторов, и обе палаты конгресса). В парламент и губернаторы массово избирались представители болсонаровской карликовой и еще недавно мало кому известной Социал-либеральной партии (Partido Social Liberal, PSL), чья фракция стала одной из крупнейших в нижней палате, либо те, кто провозгласил свою поддержку правому кандидату (яркий пример — избранный во втором туре губернатор штата Сан-Паулу Жоау Дориа, который выдвигался от PSDB, но сильно тяготел к Болсонару, за что получил прозвище «Bolsodoria», которым гордился и зарегистрировал его как свой фирменный знак).

«Бразильского чуда», которого ожидали с тревогой следившие за ситуацией в стране демократические силы всего мира и о чем писала пресса (испанская «El País» за день до выборов предупреждала, что в Бразилии на кону «само выживание демократии»), не случилось. Логика развития событий и особенно результаты первого тура сделали победу Болсонару предсказуемой. И все же она стала сенсацией, правда, с обратным знаком. В Бразилии впервые после 1985 г. (перехода к демократии после двадцати одного года правления военных) к власти в ходе демократических выборов пришел крайне правый политик с антидемократическими взглядами*, симпатиями к военной диктатуре и тяготением к авторитаризму, с расистскими, женоненавистническими и гомофобскими выпадами, неприкрыто агрессивной риторикой в отношении PT — своего главного политического противника**. Особенно печальным стало даже не столько появление такого политика, сколько массовая и убежденная поддержка электоратом его лозунгов.

Правые в Латинской Америке, Европе, США откровенно радовались, что с победой единомышленника их полку прибыло.

* Он был и за роспуск парламента, а в дни кампании его сын-депутат как бы случайно сказал о возможности роспуска Верховного суда, для чего достаточно «одного солдата и одного капрала».

** Вот образец антипетистской риторики Болсонару на ключевом в его кампании митинге в Сан-Паулу 21 октября: «Сотрем с карты Бразилии красных бандитов!»; «Нас большинство, истинная Бразилия — это мы! Пусть либо убируются вон либо идут в тюрьму!»; «Эти красные маргиналы будут изгнаны с нашей родины!»; «Ты, Лула да Силва, напрасно надеешься, что Аддад станет президентом и освободит тебя! Ты сгниешь в тюрьме! Подожди Аддада, он скоро придет к тебе, но не чтобы навестить, а чтобы гнить там вместе с тобой!»; «А ты, Аддад, не надейся! Мы тебя, бездельника, отправим туда же, к твоему бандиту в Куритибу, и вы будете гнить там вместе!».

— Available at: https://brasil.elpais.com/brasil/2018/10/22/actualidad/1540162319_752998.html (accessed 22.10.2018).

ВЫВОДЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Правый поворот набирает силу

О правом повороте написано много, и теперь уже можно сказать со всей определенностью, что в Латинской Америке он состоялся³. Конечно, полностью закрасить карту континента в цвета правых еще нельзя, но тенденция совершенно очевидна. И бразильский пример здесь — ключевой. Страна в 2016 г. уже совершила свой поворот вправо⁴, а сейчас еще более утвердилась в этом. Добавление сюда же Аргентины, Чили, Парагвая, Колумбии и Перу завершает картину⁵.

За 33 года существования демократического проекта Бразилия стала ареной колоссальных общественных сдвигов. Они совершались подспудно, в недрах общества, были, казалось, скрыты от глаз, а затем обрушились, подобно цунами, сметая на своем пути установившиеся правила, политкорректность, уважение к демократическим нормам и институтам, к политическому противнику. Неожданность и во многом невероятность происшедшего была лишь кажущейся — на деле эти процессы вызревали давно.

С пугающей скоростью произошли мощные и не всегда позитивные сдвиги в массовом сознании и массовых настроениях. После импичмента прошло всего два с половиной года, которых хватило, чтобы не только начисто демонтировать наследие левых в плане социального реформирования, но и от симпатий к правым, но все же центристским консерваторам, перейти к поддержке крайне правого радикализма.

Два с половиной года бездействия, вялых и не давших результата реформ, публикаций СМИ, ежедневно переполненных новостями об убийствах и грабежах, — и общество не захотело больше ни ждать, ни прислушиваться к «голосу разума» или предупреждениям об «опасности для демократии». Оно выбрало лидера, который предложил быстро и жестко покончить с этим (разрешить свободное ношение оружия, преступников убивать на месте, в помощь полиции дать армию и — на американский манер — не гнушаться электрическим стулом).

Свою существенную роль сыграл и **поколенческий фактор**: в общественную и политическую жизнь вливаются молодые люди, не знавшие ни военного режима, ни выстраданности демократического транзита их родителями. Для них демократия не самоценна, а «сильная рука» предпочтительней для наведения порядка, и они не видят возможной (хотя и необязательной) связи «сильной руки» и диктатуры. Им «чужды терпение, толерантность, способность к компромиссам и готовность соблюдать действующие правила игры»⁶. А ведь именно молодежь составляет одну из основных групп поддержки и массовую базу Болсонару.

Бразилия отразила в себе ряд новейших политических трендов мирового масштаба и одновременно сама продуцировала политические новации современного общества «посткапитализма». Один из таких трендов — **правый популизм**. Социально-экономический, политический, моральный кризис, вакуум политического лидерства, разочарование «всех во всех» — общая причина появления популистских политиков разного толка, обещающих быстро и эффективно решить все проблемы. Бразилия не стала исключением: такой политик появился и у нее.

Чуть было не реализованный в середине 2017 г. импичмент против Темера, совершавшийся буквально одновременно с присуждением тюремного срока «самому популярному президенту в истории Бразилии» Луле, замешанность в коррупции практически всего политического класса, отсутствие значимой политической фигуры общенационального масштаба, способной объединить нацию вокруг крупного социально-экономического проекта, — все это стало причиной небывалой для Бразилии социальной апатии и отвержения гражданским обществом практически всех возможных кандидатов в президенты, которые то и дело «загорались» на политическом небосклоне и, как правило, «гасли» без следа. Проявившийся в ходе выборов **абсентеизм** регистрировал разочарование электората и его неверие в возможность выхода из экономического кризиса и обновления политики.

Ярко проявилась такая черта президентской гонки, как **нарастание радикализма**. Еще одной особенностью стал **провал центристских партий** и их лидеров, молниеносный рост электорального ресурса Болсонару и раскручивание маховика его беспрецедентно агрессивной кампании. Оказались разрушены сами основы предвыборной борьбы: она шла не вокруг общенациональных проблем экономического развития, политической реформы, социальных трансформаций, а была сведена к антипетизму, расизму, сексизму, угрозам и даже физическому насилию в отношении сексменьшинств.

Одним из залогов успеха Болсонару стала не его программа (которая, за исключением экономической части, существовала лишь в виде его отдельных высказываний), а **отвержение им PT**; его электорат — это не только «болсонаристы», но и в большой степени антипетисты: «Избиратель голосовал за Болсонару не потому, что ему нравится Болсонару, а потому, что он выступил против PT и против коррупции, выставляя себя в образе разрушителя всего старого во имя рождения чего-то нового»⁷. Экономический кризис, в котором многие не всегда заслуженно обвиняли Руссефф, масштабные коррупционные скандалы, в которых была замешана PT, — все это разрушило имидж партии даже в тех слоях, которые ее поддерживали и которые стали бенефициарами ее политики, — бедноте и сформированном ею так называемом «новом среднем классе».

Опыт бразильских выборов 2018 г. показал, что никакие прежние традиционные стереотипы предвыборной гонки больше «не играют», а ход борьбы определен совсем другими показателями. В Бразилии всегда считалось, что неотъемлемой частью кампании любого кандидата являются участие в теледебатах, а также митинги, манифестации и другие уличные акции, — у Болсонару этого не было. После упоминавшегося выше ранения он перенес свою кампанию в соцсети, где был более силен. Главной для партий стала погоня за обладанием наибольшего эфирного времени для телерекламы — Болсонару не мог похвастаться и этим. И наконец, предвыборная кампания в Бразилии всегда определялась противостоянием крупных межпартийных коалиций во главе с партиями-лидерами. У Болсонару не было и этого. Он выступал от карликовой PSL в союзе с еще меньшей Бразильской обновленной трабальстской партией (Partido Renovador Trabalhista Brasileiro, PRTB), от которой выдвигался его кандидат в вице-президенты генерал Моурау.

Метаморфозы демократии

А как на подобные политические новации реагировала демократия? Как вышло, что после трех десятилетий демократического правления в Бразилии электорат выбрал «антидемократа» на демократических выборах? Не ведет ли отбрасывание традиции, устоявшихся рамок поведения к видоизменению самих принципов демократического устройства? Рассматривая пример Болсонару как «ультраправого бывшего военного, ностальгирующего по военной диктатуре», пришедшего к власти по демократическим правилам электоральной кампании, исследователи задаются вопросом: не является ли все это свидетельством истощенности исторической роли представительной демократии?⁸ По мнению американского политолога Стивена Левитски, «демократия теряет власть, влияние и престиж, и этот факт представляет собой настоящий вызов во многих странах»⁹.

Уставшее от продажных политиков всех мастей, невыполненных обещаний преодолеть кризис и вернуться на путь поступательного развития, победить коррупцию и выплеснувшееся на улицы бразильских городов насилие, общество отвернулось не только от левых, но и от центристов, и от известных, но оказавшихся малоэффективными фигур, и от правых консерваторов-темеристов с их нижайшим рейтингом в 1-2%. Общество справедливо жаждало обновления всех сфер жизни: экономики, политики, управляемости, морали — и нашло это обновление на крайне правом фланге бразильской политики. Его не испугали ни симпатии Болсонару к диктатуре, ни предлагаемые министры из числа бывших военных, ни презрение к общепризнанным правам человека. Оно отвергло даже прежний типаж политика, предпочтя лидера, слабо разбиравшегося, как показали его многочисленные интервью, в экономике, финансах и управлении государством, но сумевшего выразить те исподволь вызревавшие общественные настроения, которые нашли выход в пробужденных им инстинктах агрессии и нетерпимости.

Болсонару и его «вице» Моурау бравировали шокирующими, скандальными и прежде недопустимыми в Бразилии расистскими, сексистскими, гомофобскими заявлениями. Это было непривычно, жестко, радикально, откровенно — и понравилось многим. Подобной риторикой Болсонару снял этические, нравственные табу, как бы «разрешил», по словам одного из журналистов, «говорить то, о чем втайне мечтает каждый», высвободить дремавшие и подчас запрятанные в глубины подсознания «темные силы». Как было метко замечено, «скелеты в шкафу покинули шкаф»*. Не явля-

* Вот лишь некоторые высказывания Жаира Болсонару из его интервью, постов в соцсетях и видеороликов (подчас они произносились в разные годы, но были привнесены в нынешнюю кампанию практически в неизменном виде): «Я бы предпочел выжить в военном режиме, чем умереть в этой демократии»; «для наведения порядка военный режим должен был бы расстрелять 30 тыс. человек, начиная с Фернанду Энрике (Кардозу — Л.О.)»; «я сторонник пыток, и вы это знаете»; «пусть мой сын лучше погибнет в автокатастрофе, чем станет геем: мертвый сын лучше сына-гея»; «я никогда не смог бы любить сына-гея»; «мне не грозит, чтобы мой сын влюбился в темнокожую, так как мои дети хорошо воспитаны»; «афробразильцы такие толстые, потому что они ничего не делают, а мы тратим на них 1 млрд реалов в год»; «женщинам надо платить меньше, чем мужчинам, потому что, уходя в декретный отпуск, они меньше работают»; «ты такая уродливая, что не заслуживаешь того, чтобы я тебя изнасиловал» и проч.

ются ли действия Болсонару в условиях демократии и свободы слова наглядной иллюстрацией того, что базовые ценности демократии «не коррелируют ни с толерантностью, ни с политкорректностью, ни с правами человека»?¹⁰

НЕОБХОДИМОЕ МАЛЕНЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта статья подводит итоги завершившейся президентской кампании и не выходит за ее рамки. В начале ноября 2018 г. контуры будущей внутренней и внешней политики избранного президента еще только начинали прорисовываться. Но события развивались быстро. Сразу же по завершении гонки были названы первые имена будущих министров (среди них — федеральный судья Сержиу Моро, борец с коррупционерами всех политических мастей, выдвинутый на должность министра юстиции с расширенными полномочиями по противодействию коррупции и оргпреступности). Полным ходом шло формирование будущего кабинета с сокращенным вдвое количеством министерств. Если темы внешней политики в ходе кампании не фигурировали, за исключением неоднократно выраженной симпатии к президенту США Д.Трампу и стремления сблизиться с ним («Я поклонник Трампа. Он хочет сделать Америку великой, а я хочу сделать великой Бразилию»), то уже в первые дни ноября внешнеполитические приоритеты, которыми были названы США, Евросоюз, Япония и Израиль, вполне конкретизировались. В своей первой речи после избрания Болсонару заявил: «Мы освободим Бразилию и Итамарати (министерство иностранных дел. — Л.О.) от излишне идеологизированных международных связей последних лет. Бразилия перестанет быть отрезанной от наиболее развитых стран. Мы будем стремиться к таким двусторонним отношениям, которые позволят увеличить экономическую и технологическую ценность бразильской продукции. Мы восстановим уважение к нашей любимой Бразилии на мировой арене»¹¹. В Латинской Америке приоритетными партнерами Бразилии были объявлены Аргентина, Чили, Парагвай, Колумбия и Перу. Первые зарубежные визиты президента намечены в США, Чили и Израиль. Остается надеяться, что и российско-бразильские отношения получат новый импульс.

По завершении 31 декабря 2018 г. двухмесячного переходного периода станет ясно, будет ли реальная политика Болсонару очищена от допущенных им в ходе кампании выпадов, и они останутся пусть и неприемлемым для подлинной демократии, но все же лишь предвыборным эпатажем, а также войдет ли его деятельность в более прогнозируемое русло, приобретя сбалансированные и отвечающие интересам всего общества черты. Некоторые сигналы в сторону отхода от наиболее одиозных высказываний уже получены, а окончательный ответ даст время.

1 января 2019 г. избранный 38-й президент Бразилии официально вступит в должность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Л.С.О к у н е в а. Импичмент президента Бразилии: *как это было*. — Латинская Америка, 2016, № 8, с.28-42 [L.Okuneva. Impichment prezidenta Brazilii: *kak eto bylo*]

[Impeachment of the President of Brazil: writing its recent history]. *Latinskaya Amerika*, 2016, № 8, p.28-42; Л.С.Окунева. Импи́чмент Д.Руссе́фф — свершившийся факт. — Портал Российского совета по международным делам [L.S.Okuneva. Impichment D.Russeff – svershivshijsja fakt] [Impeachment of D.Rousseff – the event just happened]. Portal Rossijskogo soveta po mezhdunarodnym delam. — Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8075#top-content; Л.С.Окунева. Импи́чмент президента Бразилии: размышления и выводы. — *Латинская Америка*, 2016, №10, с.5-22. [L.Okuneva. Impichment prezidenta Brazili: razmyshleniya i vyvody] [Impeachment of the President of Brazil: Reflections and conclusions]. *Latinskaya Amerika*, 2016, №10, p.5-22.

² Е.С.Галибина-Лебедева. Формирование евангелических христианских церквей. — *Латинская Америка*, 2018, №6, с.87-99. [E.Galibina-Lebedeva. Formirovanie evangelicheskikh hristianskikh cerkvej][Evangelical Christian churches formation. Afro-American community in the USA and the Caribbean] *Latinskaya Amerika*, 2018, №6, p.87-99.

³ О правом повороте в Латинской Америке см.: З.В.Ивановский. Социальные и политические конфликты в Латинской Америке («круглый стол» в ИЛА РАН). — *Латинская Америка*, 2016, №4, с.5-24 [Z.Iwanowski. Social'nye i politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike («kruglyj stol» v ILA RAN)] [Social and political conflicts in Latin America] *Latinskaya Amerika*, 2016, № 4, p.5-24; З.В.Ивановский. Судьба «левого дрейфа» в Латинской Америке. — *Латинская Америка*. 2016. № 8, с.74–78 [Z.Iwanowski. Sud'ba «levogo drejfa» v Latinskoj Amerike] [The fate of the "left drift" in Latin America] *Latinskaya Amerika*, 2016, № 8, p. 74–78; З.В.Ивановский. Латинская Америка на перепутье: изменения в расстановке политических сил. — *Свободная мысль*. 2018, №1, с.177-192 [Z.Iwanowski. Latinskaya Amerika na pereput'e: izmeneniya v rasstanovke politicheskikh sil] [Latin America at a crossroads: changes in the balance of political forces] *Free Thought*, 2018. №1, p. 177-192; З.В.Ивановский. Политические сдвиги в Латинской Америке: региональные и глобальные последствия "правого поворота" (обзор выступлений на "круглом столе"). — *Латинская Америка*. 2018, № 5, с. 6-27. [Z.Iwanowski. Politicheskie sdvigi v Latinskoj Amerike: regional'nye i global'nye posledstviya "pravogo povorota" (obzor vystuplenij na "kruglom stole")] [Political changes in Latin America: regional and global consequences of the "right shift" (review of reports at the "round table")]. *Latinskaya Amerika*, 2018, N5, p.6-27; А.С.Шихов. Правый поворот? К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке. — *Проблемы национальной стратегии*, 2017, № 4 (43), с.48-61 [A.Shishkov. Pravyj povorot? K voprosu o smene politicheskogo cikla v Latinskoj Amerike] [Right turn? On the issue of changing the political cycle in Latin America] *Problems of National Strategy*, 2017, №4 (43), p.48-61.

⁴ Л.С.Окунева. Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота»). — *Ибероамериканские тетради*. М., ИМИ МГИМО МИД России, 2016. Вып.4(14), с.33-39 [L.Okuneva. Latinoamerikanskij «levyj drejf» razvorachivaetsya vpravo (nekotorye shtrihi k «portretu» «pravogo povorota»)] [Latin American "left drift" turns to the right (some touches to the "portrait" of the "right turn")]. *Iberoamerikanske tetradi*. М., Institute for International Studies of MGIMO-University, 2016, № 4, p.33-39.

⁵ В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. «Правый поворот в Латинской Америке: случайность или тенденция? — *Латинская Америка*, 2010, № 6, с. 8-20. [V.Jeifets, L.Jeifets. Pravyj povorot v Latinskoj Amerike: sluchainost' ili tendentsia?] [The Right-Wing Turn in Latin America: is it an accident or a definite trend?] *Latinskaya Amerika*, 2010, №.6, p.8-20; В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота». — *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «Международные отношения». Декабрь 2015, т. 15, № 4, с.45-55 [V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Latinskaya Amerika: pravyi shtorm dlja "levogo povorota"] [The Right-Wing Storm for the Left-Wing Turn in Latin America] *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Seriya "Mezhdunarodnye otnosheniya". М., 2015, т. 15, № 4, p. 45-55; V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del "fénix de la derecha" en América Latina. — *Iberoamérica*, 2016, №3 (julio-septiembre), p.34-60.

⁶ Л.В.Дьяков. Латиноамериканская политология о природе конфликтов: исследовательские интерпретации. — *Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы*

стабильности и новые возможности. Отв. ред. З.В.Ивановский. М., ИЛА РАН, 2017, с.68. [L.D'jakova. Latinoamerikanskaja politologija o prirode konfliktov: issledovatel'skie interpretacii] [Latin American political science about the nature of conflicts: research interpretations]. Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti. Отв. ред. Z.W.Iwanowski. Moscow, ILA RAN, 2017, p.68.

⁷ Available at: <https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,o-presidenciaivel,70002582160> (accessed 3.11.2018).

⁸ Available at: <https://www.facebook.com/thierry.lentz.5/posts/2181351045229453> (accessed 2.11.2018).

⁹ Available at: <https://politica.estadao.com.br/noticias/eleicoes,eleger-presidente-autoritario-e-risco-a-democracia-avalia-professor-de-harvard,70002411332> (accessed 30.10.2018).

¹⁰ Л.В.Дьякова. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М., ИЛА РАН, 2013, с.10 [L.Diyakova.Chiliyskaya democratia: preemstvennost i peremeni] [Chilean democracy: continuity and changes]. Moscow, ILA RAN, 2013, p.10.

¹¹ Available at: <https://www.estadao.com.br/noticias/geral,veja-na-integra-o-pronunciamento-de-jair-bolsonaro-apos-a-vitoria,70002570665> (accessed 29.10.2018).

Liudmila S.Okuneva (liudmila31@yandex.ru)

Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Head of Department of History and Politics of Europe and America, MGIMO–University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Leading Research Fellow, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences.

Presidential elections-2018 in Brazil: storm and onslaught

Abstract. The article describes the main stages and features of the presidential elections in Brazil in 2018. Attention is paid to the analysis of their significance for Latin American and world electoral practice. Conclusions arising from the nature of the Brazilian election campaign are formulated.

Key words: Brazil, presidential elections of 2018, Jair Bolsonaro, Fernando Haddad.